

(Перевод: Ориана)

Люй Шу был очень упрямым, настолько упрямым, что никогда не делал того, что считал неправильным, но делал то, что считал правильным, независимо от того, сколько людей говорили, что он не прав.

Некоторые люди всегда говорят, что во взрослом мире нет правильного или неправильного, есть только выгода.

Может быть потому, что Люй Шу был еще молод, он чувствовал, что в его собственном мире существует четкая грань между добром и злом, правильным и неправильным.

У Люй Шу на самом деле есть много способов стать сильнее, например, умышленно опорочить какую-нибудь знаменитость, специально с кем-нибудь поругаться или намеренно вызвать отвращение у тех, кто изначально был добр к нему.

Не говоря уже о том, что «жизненные истины», которые он размещал на форуме Фонда, всегда убегали вниз за секунды, и даже если этого не случилось, он не хотел просто так ругаться с людьми.

Для чего люди живут в этом мире? Как далеко может зайти беспринципный человек, который не гнушается ничем, которого не волнует, что правильно, а что неправильно, не волнуют причины и следствия, добро и зло? Как далеко он пойдет, если станет сильнее?

Сердца людей можно изменить, в этом мире нет ничего, что нельзя было бы изменить, даже убеждения, веру, жизнь человека, родину, все то же самое.

А первоначальные цели Люй Шу никогда не менялись из-за его упрямства. Это было его основой.

Выйдя из приюта, он никогда не воровал из-за голода, никогда не мешал чужому бизнесу, даже если его дело с продажей вареных яиц шло туго, не делал никакого зла после того, как начал практиковать. Так что он не стал вором, не имеющим будущего, никогда не был избит за кражу чужого бизнеса, а также не умер в руках Небесной и Земной сетей.

Люй Шу чувствовал, что его моральные стандарты не слишком высоки в глазах других, но он должен был быть настойчивым. Люй Шу до сих пор осмеливался ударить себя по груди и сказать, что его совесть чиста, и даже если он вызвал чье-то недовольство, то эти люди первые начали.

Может от моего ответного удара больше вреда, чем получил я сам, но зачем было меня провоцировать? Я просто возвращаю вам то, что вы сделали мне, никаких других причин.

По теории Люй Шу, если человек убил кого-то по злему умыслу, он должен умереть дважды, первый раз – в качестве компенсации, одна жизнь за другую, а второй раз – в качестве наказания, наказания за злой умысел.

Он вдруг тяжело вздохнул и сказал Люй Сяоюй: «Дядя Ли тоже обычный человек, и тетя Ван тоже обычный человек. Теперь я могу забить их до смерти одним ударом, но это неправильно. Знаешь, в чем твоя ошибка?»

Люй Сяоюй сказала тихим голосом: «Я не должна была позволять Сяо Сюнсю бить других».

Люй Шу покачал головой: «То, что должно быть сделано, должно быть сделано в подходящее время. В этом мире всегда будут злые намерения в отношении слабых. Ты должна быть достаточно сильной, чтобы другие не запугивали тебя. Но ты должна относиться к этому серьезно, ты сама должна найти баланс в своем сердце. Ты должна понимать последствия того, что делаешь, и ты также должна понимать, какое влияние твои действия окажут на других. Ты скажешь другому: я просто пошутила. А твоя шутка привела к смерти человека. Разве ты можешь винить других, что они не выносят твоих шуток?»

«Это значит... - Люй Сяюй задумалась на мгновение, - я могла их побить сегодня, но не слишком сильно?»

«Ну, так и есть. Они просто насмеялись над тобой, а ты избила их до крови одну за другой. Это уже перебор...» - вздохнул Люй Шу. Когда он увидел опухшие лица тех девочек, ставших похожими на свиные головы, он почувствовал себя ужасно. Люй Шу внезапно обернулся и холодно сказал Сяо Сюнсю, сидевшему в рюкзаке: «После сегодняшнего никаких наград от нее, сообщник. Продал свою душу за еду!»

Сяо Сюнсю: «???» Я просто работаю за вознаграждение, ясно?

«Очки негативных эмоций от Сяо Сюнсю, +1+1+1...»

«О, - Люй Сяюй опустила голову, послушно признавая свою ошибку, — в следующий раз я обязательно серьезно все обдумаю».

«Ну, верно, если ты совершаешь ошибку, а потом ее исправляешь, ты всё еще остаешься хорошей девочкой, - рассмеялся Люй Шу. Он не хотел быть жестоким с Люй Сяюй, если бы он мог все ей разъяснить, это было бы лучше, чем быть жестоким.

Когда Люй Сяюй поняла, что Люй Шу не собирается отправлять ее обратно в приют, у нее на душе стало светлее. Но тут она вдруг снова опустила голову, о чем-то задумавшись: «Прости. Ты с трудом заработал эти деньги... Я могу каждый день помогать продавать тебе вонючий тофу, и теперь я буду мыть всю посуду, стирать одежду и даже носки...»

Люй Шу обрадовался: «Идет! А потраченные деньги я снова заработаю, когда в будущем стану великим практиком! Эти небольшие деньги не будут иметь значения. Забудь про носки, а с остальным ты можешь мне помочь...»

«Но я все еще не хочу ходить в школу», — неохотно сказала Люй Сяюй, ее ноги свешивались прямо с края крыши.

«Зачем ходят в школу?» - серьезно спросил Люй Шу у Люй Сяюй.

«Для чего же еще, для знаний, - прошептала Люй Сяюй, - но я также могу учиться у дедушки, зачем мне ходить в школу?»

Люй Шу покачал головой: «Знания - это одно. Другая причина - ты должна выйти, чтобы познать мир, людей в этом мире и сердца людей. Только когда ты выйдешь наружу, ты можешь понять, какие правила есть в этом мире. Когда ты знаешь, как их использовать, ты можешь стать по-настоящему могущественной».

В этот момент Люй Шу внезапно приободрился: «Что значит "человек, прочитавший много книг, спорит с воодушевлением". В будущем ты можешь сразить противника, всего лишь разозлив его, нет необходимости махать кулаками».

Люй Сяюй долго молчала: «Кажется, я все-таки предпочитаю махать кулаками...»

Люй Шу махнул рукой: «Ничего страшного. Пока ты понимаешь значение этого, можешь махать кулаками. У каждого свое хобби, я ни на чем не настаиваю!»

«О... — кивнула головой Люй Сяюй, — значит, раздражать других — это твоё хобби...»

В этот момент солнце скрылось за горизонтом. Оно исчезло в мгновение ока, оставив после себя только ярко-красные тянущиеся по небу облака.

Два ничтожно маленьких человека спокойно сидели на крыше, и весь мир был похож на картину маслом, написанную густыми и насыщенными красками, полную ярких цветов.

Люй Сяюй тихо сказала: «Люй Шу, когда ты стоял сегодня передо мной, ты выглядел таким крутым...»

«Ха-ха, конечно, — горделиво сказал Люй Шу, — кто бы ни обижал тебя, он будет сначала иметь дело со мной! Если мы совершим ошибку, то признаем ее, но унижать нас никак нельзя. Я могу быть жестоким с тобой, но другие не могут!»

В глазах Люй Сяюй вспыхнул блеск, похожий на сияние звезд, как будто облака в небе вдруг возрадовались, и этот миг казался вечностью.

Она всегда думала, как здорово, что в этом мире есть Люй Шу, и она никогда не будет одинока. Она полностью доверяла Люй Шу, и Люй Шу никогда ее не подводил.

«Хм... Люй Шу, ты будешь так же заступаться за меня в будущем?»

«Да, конечно!»

«А если кто-то будет ругать меня, могу ли я его ударить? Я имею в виду просто преподать урок. Не так, как сегодня».

«Можешь!»

«А если меня кто-нибудь ударит?»

«Тогда избежь его!»

«А если кто-нибудь захочет меня убить?»

«Тогда убей его».

«А если весь мир захочет нас убить?»

Люй Шу на мгновение остолбенел. Он посмотрел на последние лучи солнца по краю неба и твердо сказал: «Тогда уьем всех, посеяв хаос в этом мире».